

Семен
ЛУНГИН
Илья
НУСИНОВ

*Добро пожаловать,
или
Посторонним
вход воспрещен*

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Л 84

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой

Лунгин С., Нусинов И.

Л 84 Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен : киноповести / Семен Лунгин, Илья Нусинов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-29512-4

Блестящий творческий дуэт Семена Лунгина и Ильи Нусинова подарил советскому кинематографу много запоминающихся картин. В настоящий сборник вошли сценарии к фильмам «Мичман Панин», «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Тучи над Борском», «Телеграмма», «Внимание, черепаха!».

Фильмы, снятые по сценариям Семена Лунгина и Ильи Нусинова, будь то сатирическая комедия о жизни пионерлагеря или революционная драма, выходили в лидеры советского кинопроката и завоевывали преданную любовь зрителя. Особое место в этом ряду досталось комедии «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», сразу же разобранной на цитаты и вошедшей не только в сокровищницу советского кинематографа, но и в культурный код страны.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© С. Л. Лунгин (наследники),
И. И. Нусинов (наследники), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-29512-4

Строгое серое здание. До блеска начищенные медные буквы: «Императора Николая I Морское техническое училище».

Распахиваются глухие железные ворота, на брусчатку мостовой выходит рота юнкеров. Лихо чеканя шаг и искоса бросая взгляды на проходящих по тротуару особ женского пола, с мальчишеским рвением выпевая фривольные места шуточной строевой песни, идут юнкера по утреннему Кронштадту.

— Р-р-рота, стой!

Собственный дом баронессы Таубе. Вывеска: «Центральные бани».

Парильня. Юноши с остервенением хлещут друга друга вениками. Распахнулась дверь. В облаке пара — взволнованный юнкер в полной форме Николаевского училища.

— Господа! Государь подписал приказ о производстве!

— Ура!.. — гулко разнеслось под сводами бани.

— Качать его! — И качают.

Предупредительный банщик накидывает на плечи Панину чистую простыню.

— С производством вас, ваше благородие! — и тихо добавляет: — Приговор над тринадцатью ожидают сегодня.

Панин резко повернулся к банщику. Банщик покосился на окружающих и еле заметно провел пальцем по шее.

— Всех? — одними губами спросил Панин.

Банщик поднял глаза на Панина, и Панин понял: всех!

— Ну что же мы?! — взорвался Панин. Рука банщика впиалась в плечо юнкера.

— Усольцев в «Морской волне» ждет.

— Когда?

— Чем скорей, тем лучше.

Лихорадочно одевается Панин.

На замощенном серыми гранитными плитами дворе Военно-морского суда Кронштадтского порта — группа измученных, давно не спавших, истомленных тревогой людей. Это родственники осужденных.

— Приговор обжалованию не подлежит. Ведь речь, господа, идет не об обычных преступниках, а о врагах престола и государства. — Полковник военно-судебного ведомства приложил руку к козырьку и зашагал к воротам.

Зарыдала попадья.

— Уймись, матушка. В смирении встретим жребий сей, — сказал стоящий рядом с ней священник.

— Простите его, барин, — запричитала вслед полковнику старуха с котомкой. — Один он у меня. Самто с японской не вернулся.

И вдруг из здания суда, из окна второго этажа, раздался крик:

— Мама!

Дама в пелерине подняла руки и потянулась к окну.

— Не печалься, мама! Будь мужественной! Вот как сейчас, мама, как сейчас! Обещай мне, мама!

— Я обещаю, Сашенька, я обещаю, — шепчет дама и мелкими движениями руки крестит воздух перед собой.

В окне теснятся заключенные.

— Простите, батюшка! Не поминайте лихом!

— Галю!.. Андрийку подыми, дитятку подыми!

На тротуаре возле ограды останавливаются прохожие, заходят в ворота. Двор быстро заполняет толпа.

— Скажите товарищам — Петраков провокатор!

В толпе молодой мастеровой переглянулся со стоящим рядом с ним рыбаком.

— Прощайте, люди! — кричат из окна.

— За что убивают? За то, что правду народу скажали, — произнес пожилой рабочий в толпе.

— На Ленских приисках полтыщи людей загубили — мало им. Доколь терпеть будем! — поддержал другой.

— Петраков провокатор! Петраков провокатор! — скандируют наверху.

— И поделом мерзавцам! Ишь до чего дело дошло: бунты на кораблях поднимать!

— Федя! Как же теперь, Федя? У меня же ребеночек будет!

— Товарищи! Помните о нас, товарищи!

— Петраков провокатор!

— Да здравствует революция!

Со всех сторон к воротам суда бегут люди. Задние напирают. Толпа приблизилась к зданию суда.

— Осади! Осади! — отжимают толпу два жандарма.

По Николаевскому проспекту быстро идет Панин. Улицу перебегает запыхавшийся юнга. Он на ходу шепчет всем встречным матросам:

— Вирен!.. Вирен!..

Матросы останавливаются, поворачивают назад.

— Носит его нелегкая!..

Остановился и Панин. Оглянулся.

Николаевский проспект, минуту назад черневший матросскими бушлатами и форменками, вмиг опустел. Лишь кое-где редкие фигуры штатских. И только в нише ворот перед корзиной с бумажными драконами и жужжалками, которыми торгует худенькая китаянка в длинных брюках, склонился кондуктёр Григорьев. На руках у него — шестилетний сын. Рядом — жена.

Цокает копытами по брусчатке откормленный, серый в яблоках рысак. В коляске — вице-адмирал Вирен с супругой.

Панин хотел было повернуть назад, но в этот момент взгляд его упал на циферблат в витрине часовых дел мастера — без десяти минут семь. Панин на мгновение задумался, поправил бескозырку, оглядел себя и решительно пошел навстречу адмиралу.

Кондуктёр Григорьев выбрал игрушку и протянул ее сыну. Мальчишка отчаянно дует в «тещин язык». Игрушка то скручивается, то раскручивается, к немалому удовольствию Григорьева и его жены.

— Ваня! — Жена испуганно дернула Григорьева за рукав.

Григорьев обернулся. Перед ним — морда виреновского рысака. Григорьев быстро опустил на землю сынишку и стал во фронт. Жена потянула было мальчика к себе, но тот увернулся и, не выпуская изо

рта «тещиного языка», взял руку под козырек и вытянулся рядом с отцом, глядя счастливыми глазами на адмирала.

— Нянька! — презрительно улыбнулась госпожа Вирен.

— Нянька, а не матрос! — взревел Вирен, и кучер остановил рысака.

— Ты кто, дубина?

— Транспорта «Океан» сверхсрочной службы кондуктор Иван Григорьев.

— Службы не знаешь! Кто перед тобой?

— Его превосходительство главный командир Кронштадтского порта, военный губернатор и начальник гарнизона Кронштадта вице-адмирал Роберт Николаевич Вирен!

— Значит, знаешь, скотина! А вместо того чтобы, как по уставу положено, во фронт стать, детей нянчишь! Отвечай!..

— Виноват, ваше превосходительство.

Мальчишка в восторге выпустил «тещин язык». Григорьев скосил глаза на сына.

— Куда глядишь, болван? Номер?!

— Четыреста тридцать один, ваше превосходительство!

— Фуражку!

Григорьев снял с головы фуражку и подал адмиралу. Изнутри по околышу аккуратно вышит номер.

— А на исподнем?..

В замешательстве недвижно стоит Григорьев. Сквозь зеркальные стекла подъезда, хоронясь, глядят матросы. На улице останавливаются прохожие. Вдалеке появилась группа матросов. Увидев Вирена, они резко свернули в переулок. За спиной Григорьева проходит юнкер Панин. Он по всем правилам при-

ветствует адмирала. Вирен жестом приказывает юнкеру остановиться.

— Что стоишь? Снимай!

— Ваше превосходительство...

— Молчать!

Григорьев побагровел, на лбу надулась жила. Не мигая, смотрит он в глаза Вирену. Мальчишка заплакал и бросился к отцу. Григорьев ласково отстранил сына и негнуцимися пальцами начал отстегивать откидной клапан флотских брюк.

— Господи Иисусе Христе... — прошептала жена Григорьева, прижимая к себе мальчишку, который ткнулся лицом в ее юбку.

Упали на ботинки флотские брюки. В исподнем стоит посреди Николаевского проспекта семейный матрос Иван Григорьев.

Панин, чуть прищурясь, спокойно смотрит в глаза Вирену.

И вдруг сынишка Григорьева взмахнул раскрученным «тециным языком» и с размаху принялся хлестать им по морде виреновского рысака. Жена Григорьева застыла в ужасе.

Рысак запрокинул голову и дернул. Госпожа Вирен от неожиданного толчка откинулась на подушки. Кучер натянул вожжи, удержал рысака и замахнулся кнутом на мальчишку. В тот же момент юнкер Панин оказался между мальчишкой и кучером. Кнут замер в воздухе.

— Юнкер! — взревел Вирен.

— Так точно, ваше превосходительство, — ответил Панин, глядя в лицо Вирену.

— Молчать! Кругом! Марш к городовому. Чтоб немедля препроводил тебя на гауптвахту. Десять суток. Бегом!

И Панин побежал. Через Николаевский проспект, на угол, к городовому. Изо всех ворот, из всех подъездов глядят ему вслед матросы.

Панин подбежал к городовому, взял под козырек и громко отрапортовал:

— Его превосходительство вице-адмирал Вирен приказал препроводить тебя на гауптвахту под арест на десять суток.

Оторопело смотрит на Панина городской. Через перекресток промчался виреновский рысак. Городовой и юнкер стали во фронт.

— На десять суток подлеца! — прокричал Вирен.

— Есть десять суток! — пролепетал насмерть перепуганный городской.

— Шагом марш! — И городской под конвоем Панина зашагал вдоль проспекта.

Трактир «Морская волна». Разноголосый хмельной гул. За столиками — матросы. Уронив обтянутые фланелькой огромные руки на выскобленные ножом доски стола, тяжело дышит пьяный Григорьев:

— Душно, братцы!.. Спасу нет!..

— Ну погоди, вернется еще им, драконам, пятый год.

— Чего это ты, Барабанов, про пятый год толкуешь? — подскочил унтер Савичев.

— Так что, господин унцерцер, серым объясняю, что пятый год на флоте службу несущи и за этот срок казенного вина без малого бочку выпили.

В углу за фисгармонией — отделенный перегородкой столик. За ним — Усольцев, мастеровые, рыбаки. Верхом на стуле сидит Панин. Усольцев разлил по стопкам водку и сделал знак матросу-латышу Рисману. Рисман вышел в зал.

— Музыку, Адам, — бросил он гривенник в кружку органиста.

Слепцы, сидевшие на скамеечке у ног органиста, встали, оправили белые косоворотки, откашлялись и затагнули:

Шумел, гремел пожар моско-овской,
Дым рассти-лался по земле...

— Из тюрьмы повезут завтра ночью, прямо на полигон. Засаду устроим у валунов, где дорога поворачивает. — Усольцев пальцем рисует на столе между стопками, графином, тарелками невидимую карту. — Шхуну пригонишь засветло вот сюда. Будто парус чинишь. Как возьмешь на борт, ходом иди к затопленной барже. А ты тут жди. — Палец Усольцева метнулся на другой конец стола. — Если все в порядке, фонарем просигналишь: «Я здесь!»

Звон разбитой посуды, грохот падающего стола. Люди за перегородкой подняли головы, один из мастеровых на цыпочках подошел к завешанной драпировкой двери и, слегка отодвинув пальцами лоснящееся полотнище, отороченное бахромой, осторожно заглянул в зал. В зале трактира бушует пьяный Григорьев:

— Эх, жизнь... будь она!..

Матросы хватают Григорьева за руки. Тот вырывается. Летят на пол опрокинутые стулья.

— В засаду со мной пойдешь ты... ты... — Лица мастеровых, на которых указывает Усольцев, становятся сосредоточенными и серьезными.

Панин сжимает ногами стул, так что тот едва не трещит. Побелевшие от усилия пальцы рук вцепились в спинку.

— И ты!

Панин вскочил со стула и, упершись одной рукой в сиденье, а другой схватившись за спинку, выжал стойку.

— Смотри, шальной, передумаю! — строго сказал Усольцев.

— Не передумаешь! — во весь рот улыбнулся Панин.

В зале Рисман подхватил песню:

И призадумался вели-икий,
Скрестивши руки на груди...

Пьяно повернувшись к сидящим за фисгармонией, шепнул:

— Савичев ухо тянет. — И, улыбаясь во весь рот, шагнул навстречу унтеру. — Душевно поют, господин унцерцер, потому слепцы.

— Слепец поет, дрозда дает, — захохотал Савичев. — А там за органом кто? Матросы, что ль?

— Никак нет. Мастеровщина гуляет.

Савичев юркнул в комнату за фисгармонией. Пустой столик.

Панин вышел из задней двери трактира. Он взволнован, быстр и резок в движениях. Его глаза возбужденно сверкают.

На площади перед трактиром — наивные ярмарочные аттракционы: силомеры, гигантские шаги, кривые зеркала. Вверх — вниз, вверх — вниз стремительно летят расписные лодочки-качели.

В одной из лодочек — гардемарин Ведерников и девушка. Панин секунду следит за ними глазами и вдруг вскакивает в соседнюю лодочку. Все выше и выше взлетает Панин на своих качелях.

Ведерников:

— Вот и осталось нашей кронштадтской жизни два дня, а там Гавр, Лиссабон, Александрия.

— Почему ж вы не веселы, Ведерников, почему вы не радуетесь производству? — спрашивает девушка.

— Да потому, что я заранее знаю, как сложится моя жизнь. Завтра надену мичманские погоны, года через три — лейтенантские, а лет через десять, стараниями моих петербургских тетюшек, приму миноносец. Боже, как это бессмысленно!

— Здорово, Ведерников! — крикнул Панин, пролетая мимо гардемарина.

— Мы уже виделись.

Лодки несутся на встречных курсах, сближаются и вновь разлетаются в разные стороны.

— Получил назначение?

— Так точно. Приписан к транспорту «Океан».

А ты?

— И я на «Океан». Назначен трюмным механиком.

— Вы не знакомы? — спросил Ведерников.

И в то же мгновение Панин прыжком оказался в лодке гардемарина.

— Юнкер Панин.

— Маша.

— Ай, барин, ай, ваше благородие, — укоризненно покачал головой владелец качелей и затормозил лодку.

Панин выпрыгнул первым и галантно протянул Маше руку.

— Благодарю вас, — серьезно сказала Маша и, опершись о руку Панина, вышла на помост.

Ведерников неприязненно смотрит на Панина.

— Огоньку бы старшему по чину. — Перед Ведерниковым — слегка пьяный лейтенант Грузинов.

— Милости прошу. — Ведерников козырнул и щелкнул зажигалкой.

— И пахитоску к тому ж...

Ведерников вытащил портсигар.

Грузинов, будто не замечая нетерпения гардемарина, внимательно разглядывает гравировку на крышке портсигара.

— Ведерников? Уж не Николая ли Ивановича сынок?

— Так точно, господин лейтенант, — нервничает Ведерников, не спуская глаз с удаляющихся девушки и Панина.

— Имел честь служить под флагом вашего покойного батюшки.

— Виноват, господин лейтенант. Спешу.

Грузинов поймал взгляд Ведерникова, пьяно рассмехался и покровительственно хлопнул его по плечу:

— Не робей, гардемарин. Пристраивайся в кильватер.

Ведерников вспыхнул и, ничего не ответив, быстро зашагал в противоположную сторону.

Актный зал Николаевского технического училища. Идеально выровненное каре юнкеров.

— Для встречи слева слушай на кра-ул!

Рванулись головы. Замер строй. Стал на цыпочки и поднял руку капельмейстер. В дверях — командующий Балтфлотом адмирал фон Эссен. Грянул встречный марш. За командующим — свита: вице-адмирал Вирен, адмиралы, генералы, капитаны первого ранга, в парадных мундирах и орденах. Навстречу ко-

мандующему, чеканя шаг, направился начальник училища. Оборвался марш.

— Господин адмирал! Юнкера первой роты императора Николая I Морского технического училища для торжественного акта производства в офицеры флота построены!

— Здорово, юнкера!

— Здра-жла-ваш-дит-ство!

Фон Эссен и Вирен обходят строй юнкеров. Панин, почти не двигая губами, тихо произнес:

— Большой заслон.

Прошелестело по шеренге:

— Заслон Панину... Заслон Панину...

Едва уловимое движение — и Панин уже во второй шеренге. Первая шеренга плотно сомкнулась.

Командующий подошел к столу, накрытому зеленым сукном. На столе аккуратно разложены листы дипломов, и на каждом символ достоинства офицеров русского флота — кортик. Фон Эссен надел очки.

— Высочайший приказ о чинах военных. Производятся по экзамену в мичмана...

Адъютант подал командующему диплом и кортик.

— ...Бороздин Александр.

Рослый юнкер вышел из строя и подошел к адмиралу.

— Поздравляю мичманом, Бороздин!.. Барон фон Лемке второй! Поздравляю мичманом, барон!.. Панин Василий!

Панин вышел из строя и подошел к командующему. Увидев Панина, Вирен подался вперед и нагнулся было к уху фон Эссена, но фон Эссен уже шагнул навстречу юнкеру и протянул ему диплом и кортик.

— Поздравляю мичманом, Панин!

Раздраженный Вирен повернул голову к начальнику училища:

— Каков?

— Больших способностей. Окончил училище третьим.

— Поведение?

— Выше всяких похвал.

Из-за валуна во весь рост поднялся Панин. Он в покрытых грязью сапогах и запыленной штатской одежде. Взмах руки — и граната летит под колеса тюремной кареты. Ослепительный взрыв. Взвились на дыбы лошади. Упала набок карета. Выстрелы. Одна за другой прыгают с обрыва тени.

Причал. Подскакивает на волне ярко освещенный катер. На катере — группа офицеров. У швартовых замер матрос. На ленточке бескозырки надпись: «Океан». На причале — Ведерников в новенькой мичманской форме и Маша.

— Пожалуйста на борт, вашскородие, отваливаем, — почтительно доложил Ведерникову матрос.

— Как же? — встревоженно спросила Маша. — А Панин?

— Тпру!.. — За спиной Маши извозчик осадил коня, и Панин ловко выскочил из пролетки. Извозчик вытащил чемодан и протянул матросу.

— Вот он. Легок на помине.

Маша встrepенулась. Ведерников с достоинством поклонился девушке и спустился в катер. Маша наблюдает за Паниным восхищенным взглядом, с какой-то детской откровенностью. Панин поклонился Маше.

— Мое почтение! — и, щелкнув каблуками, направился к трапу. — Прошу прощения, господа. Меня задержало дело, которое я никак не мог отложить.

— Это вас несомненно извиняет, мичман, — издевательски заметил один из офицеров. — А мы-то по простоте полагали, что в честь вашего производства часы в крепости на четверть назад сдвинули.

Хохочут офицеры, смеется Панин, ухмыляются матросы. Серьезен лишь один Ведерников.

Катер отвалил. Маша замахала платком. Ведерников и Панин одновременно подняли руки к фуражкам и откозыряли Маше. Ведерников взглянул на Панина и опустил руку.

Удаляется Кронштадт, отступает памятник Петру, парк, строгое здание Николаевского училища, Маша.

Рыбацкая шхуна «Хильда» в море. Вдали мерцают огни Кронштадта. Штиль. Мерно поскрипывают уключины, мягко опускаются в черную воду весла, но кажется, что шхуна не движется.

— Хэп... хэп... — тихо командует сидящий на руле рыбак-латыш. — До берега очень мало осталось. Половина мили, не более того, — сказал он, обращаясь к сидящим на дне шхуны людям.

Второй рыбак бросил весла, поднял со дна завернутый в брезент фонарь и просигналил в направлении берега, то открывая, то закрывая брезент. На берегу темно.

— Надо немного ждать, — сказал рулевой, и все сидящие в шхуне впились глазами в берег.

— Оцепить крепость! — кричит в телефонную трубку Вирен. — Усиленные патрули на улицы! Обыскать все рыбачьи лодки!

Бегут жандармы, рассаживаются по дозорным катерам. Один за другим катера отходят от причала.

Рыбаки на «Хильде» сосредоточенно всматриваются в темноту. И вдруг на берегу замигал фонарь.

— Наконец-то, — с облегчением вздохнул рулевой, и гребцы энергично налегли на весла. — Хэп, хэп, хэп...

Ночь на «Океане». Панин вышел из своей каюты и по трапу поднялся на палубу. Корабль спит. Бодрствует только вахта. От кормовой рубки до второй трубы и обратно мерно шагает по палубе унтер. Замерли часовые на корме у флага и на юте у трапа. Борется со сном дневальный у рынды. Панин идет по палубе. Он насвистывает. Он доволен. Дело сделано.

Берег. Невдалеке — черный корпус затопленной баржи. Мастеровой, которого мы видели в «Морской волне», сигналил фонариком.

«Хильда». Рыбаки заметили сигнал.

— К берегу!

Берег. За наваленными на земле сетями и пустыми бочками крадутся жандармы. Кованый сапог наступил на осколок стекла. Треснуло стекло. Оглянулся мастеровой. На гальке — тень жандарма. Мастеровой отчаянно замахал фонарем. Но в то же мгновение на него набросились и скрутили ему назад руки.

Рыбаки на «Хильде» напряженно следят за хаотическим мельканием фонаря на берегу. Погас фонарь.

— Табань! — скомандовал рулевой и круто повернул лодку. — Нельзя к берегу.

— Куда ж теперь?

Рулевой не ответил и сплюнул в воду.

На веслах шхуны — два выбившихся из сил рыбака. Беглецы сгрудились на днище. Они неотрывно следят за рябым светлым пятном, которое медленно и неумолимо ползет к шхуне. Но вот пятно остановилось и, дрогнув, поползло назад. Вздых облегчения.

— Надо что-то решать.

— А что мы можем решать или не решать? Мы можем ждать и надеяться на случай.

— Надо идти к берегу.

— Там жандармы.

Луч прожектора снова пополз к шхуне.

Из-за орудийной башни вышел вахтенный начальник лейтенант Пекарский. Завидев Панина, он направился к нему.

— Не спится, мичман? — откозырял Пекарский. — Помню, первую ночь на корабле тоже не мог сомкнуть глаз.

— Да... Эту ночь я запомню на всю жизнь.

— А завтра в восемь снимаемся с якоря — и к французским берегам.

— Поскорей бы, — сказал Панин.

Засвистела дудка. Выбежали фалрепные, побежали к трапу.

— Кого это еще черт принес? — Пекарский перегнулся через борт. — А, Грузиночка прибыл? Нагрузился Грузинов. — И рассмеялся собственной шутке.

Почтительно поддерживаемый двумя фалрепными, на палубу поднялся лейтенант Грузинов. Он, мало сказать, нетверд на ногах, но настроение у него преотличное.

— Разрешите доложить, господин вахтенный начальник, в крепости Кронштадт все обстоит благополучно. Мадемуазель Клодин, с которой я имел удовольствие нынче ужинать, оказалась восхитительно сложена, что вам должно быть досконально известно и без моего доклада.

— Рассыльный! — крикнул Пекарский.

— Есть рассыльный!

— Проводи господина лейтенанта.

— Так что, разрешите доложить, вашскородь, — подошел боцман. — Там с господином лейтенантом матрос прибыл.

— Совершенно справедливо, — задержался Грузинов. — Матрос в абсолютно непо... непотребном виде. Из ваших трюмных духов, мичман.

— Ступай, ступай, Грузинов, присни до подъема флага, — сказал Пекарский.

— Честь имею, господа. — И Грузинов, почтительно поддерживаемый рассыльным, нетвердо зашагал по палубе.

— Поднять этого болвана на борт, — распорядился Пекарский. Фалрепные бросились выполнять приказание.

— А вот вам и офицерское крещение, мичман. Поставьте его для остротки часа на два под ружье — рябчиков пострелять, — сказал Пекарский, когда фалрепные удалились. — Но, на мой вкус, пьяный матрос надежней трезвого смутьяна.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

СЕМЕН ЛЬВОВИЧ ЛУНГИН
ИЛЬЯ ИСААКОВИЧ НУСИНОВ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ,
ИЛИ
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ольга Золотова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.08.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА@, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА@ тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның
сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-BAK-38629-01-R